

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Еще после подписания Версальского мирного договора в 1921 году была создана организация «Совет по внешней политике США» (CFR — Council on Foreign Relations), которую возглавил Исая Боумен и которая служила инструментом глобального геополитического анализа американцами их интересов. Она была построена на геополитических принципах и стала одной из самых центральных и влиятельных организаций. Существует до сих пор: CFR — «Совет по внешним отношениям». В значительной степени с этой организацией вошел в контакт Хэлфорд Маккиндер. Последнюю свою статью «Круглая планета и завоевание мира» он опубликовал в «Foreign Affairs» (foreign affairs — внешние вопросы. «Вопросы внешней политики» — это журнал, издаваемый CFR. Он до сих пор издается).

CFR — это американская экспертная структура, но изначально создается два дополнительных крыла CFR:

1. В лице «Chatham House» — Королевского Центра Стратегических Исследований в Лондоне, который также мыслит мир с точки зрения доминанции талассократической цивилизации. Америка после Первой мировой войны становится интеллектуальным центром. CFR — основной массив — расположен в США, и как бы его филиал — в Великобритании, имевший колоссальный имперский, британский размах, в том числе и аналитический, стратегический. Тот же Маккиндер — один из активистов этого направления, основатель Лондонской Школы Экономики.

2. И в тот же период создается институт Тихоокеанских исследований для исследования талассократической геополитики в Азии.

Таким образом, уже в 20-е годы формируется некоторая трехуровневая модель атлантической цивилизации, где существует в проекте три центра управления:

1. В США — CFR, Совет по внешним отношениям.

2. В Великобритании — «Chatham House» («Четем Хаус» — Королевский институт стратегических исследований).

3. И не получивший большого развития отдел Тихоокеанских исследований. Центр его был в Европе, потому что Япония в тот период была самостоятельной, Китай — полусамостоятельным.

Почему это для нас важно?

Потому что это были центры активного, сознательно-го, поэтому субъективного (осознающего свои стратегические интересы) стратегического планирования в геополитическом ключе на глобальном уровне. CFR становится базовым штабом атлантистской интеграции: атлантистской стратегии в интересах уже не только Соединенных Штатов Америки (обратите внимание), а в интересах глобальной атлантистской цивилизации. То есть CFR задуман и как институт построения американской внешней политики, и как институт, отвечающий за интересы всей капиталистической западной цивилизации. Поэтому одна из задач, которую декларируют с самого начала участники CFR, — это создание мирового правительства. Обратите внимание: мирового правительства, уже не американского — под эгидой западных стратегических кругов и экономических кругов. Поскольку мы имеем дело с Карфагеном, то базовую роль здесь играют экономические корпорации, монополии, транснациональные корпорации и так далее.

И в ходе построения проекта мирового правительства идет районирование атлантистского мира. Уже после Версаля это районирование довольно очевидно:

1. CFR США как представители этого мирового правительства внутри Америки. Многие американские консервативные, левые и даже правые круги критиковали CFR как проводящий политику не в национальных интересах США, а в интересах этого глобального мирового правительства, которое в определенных случаях идет против интересов США. Так, по крайней мере, звучала эта критика. Это один, американский, полюс глобального правительства.

2. Есть еще английский полюс, или европейский полюс, воплощенный в Королевском институте стратегических исследований (британском).

3. И уже тогда, после Первой мировой войны, создается набросок Тихоокеанского бюро. Бюро, которое будет выстраивать стратегическую модель атлантистского контроля в Тихоокеанской зоне.

После 45-го года, по результатам Второй мировой войны, США из одной из сил атлантизма становится базовым центром и форпостом атлантизма. Ситуацию для этого подготавливает победа стран Антанты в Первой Мировой войне. После Второй Мировой войны происходит шифт — перенос центра атлантистской цивилизации (талассократической) от Великобритании к США — и, соответственно, роль CFR как стратегического центра управления западной (талассократической) цивилизацией окончательно утверждается и подтверждается.

Но начинается этот процесс передачи глобальной имперской миссии от Великобритании, которая была оплотом талассократии в первой четверти еще XX века, к США раньше. Что стало фактом в эпоху «Холодной войны», когда США по результатам Второй мировой войны сделались

главным центром талассократии. И когда последняя статья Маккиндера опубликована уже в американском журнале. Обратите внимание, что в 1905 году Маккиндер еще не знает точно, сомневается относительно того, к какой цивилизации причислить США: может быть, даже к континентальной. И последнюю свою стратегическую, программную статью он публикует в «Foreign Affairs» — в американском журнале.

В период Второй Мировой войны британскими специалистами из МИ-6 создается мощная структура ЦРУ — центрального разведывательного управления. И там, с участием представителей и аналитиков CFR, о которых мы говорили, и происходит некоторая фундаментальная концентрация британских разведчиков (геостратегов) и передача инициативы американской политике — вот этот геополитический шифт. Столица талассократии однозначно переносится из Лондона в Вашингтон. Общий обзор талассократии не меняется: это та же самая цивилизация моря, та же самая маккиндеровская карта, но столица переносится еще западнее: из Лондона в Вашингтон.

Что показательно? Что в политике после 45-го года начинается деколонизация, когда определенные страны, которые были колониями Англии (у нее больше всех было колоний), становятся независимыми и самостоятельными. Но они становятся независимыми и самостоятельными номинально. На самом деле и колониальная администрация сохраняет свои позиции в определении дальнейшего пути развития этих стран, а экономическим и военно-стратегическим образом они становятся базами и плацдармами уже американской новой системы. Там, где были английские колонии, оказываются военные американские базы. Практически по всему пространству бывшей британской империи происходит передача власти от Англии

к США. Британия становится подсобной силой. Хотя в начале первой четверти XX века она была лидирующим центром атлантизма.

И что любопытно? Что на уровне геополитики этот процесс начинается гораздо раньше того момента, когда мы видим уже после Второй мировой войны как факт подъем глобальной мощи Соединенных Штатов Америки. Все начинается раньше на тридцать лет, в 20-е годы, а не в 50-е, когда образуется CFR как головная структура американского и, соответственно, талассократического, соответственно, капиталистического западного мирового управления.

После Второй Мировой войны мы имеем двуполярный мир, во главе которого стоит уже не Англия против России, а другая англосаксонская держава — США против СССР. Вот эта базовая структура отражается в политической идеологической карте мира после Второй Мировой войны.

Теперь, что же CFR? CFR становится все более и более влиятельной силой в самих Соединенных Штатах Америки. Очень интересно, что в 1974 году лидеры CFR, два главных интеллектуала (один — демократ, другой — республиканец), уже не раз упоминавшиеся нами в нашем курсе: Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер — крупнейшие геополитики и стратегические интеллектуалы (стратеги) США — организуют Трехстороннюю комиссию (Trilateral Commission). Которая представляет собой новое издание того проекта, который был после Версаля, где эта Трехсторонняя комиссия (Trilateral Commission) формируется из трех базовых модулей. Опять мы имеем дело с районированием талассократического пространства:

- Это США и CFR, потому что подавляющее большинство (90 %) этой Комиссии обеспечивают американцы (CFR), субъективно представленные Бжезинским, Киссинджером и Дэвидом Рокфеллером, в частности. Это некоторое ядро Трехсторонней комиссии.

- Создается Европейское отделение Трехсторонней комиссии.

- И японское. К тому времени Япония уже оккупирована США после 45-го года и постепенно становится плацдармом западных интересов в Тихоокеанском регионе.

Итак, США, Европа и Япония представляют собой три полюса, или три стороны этой Трехсторонней комиссии. Trilateral Commission: США, Европа и Япония.

Что это нам напоминает? Это напоминает ту изначальную инициативу, которая создавалась в первый момент после Версаля, когда CFR был создан. На месте английского уже выступает интегрированное европейское стратегическое пространство, но Королевский институт стратегических исследований («Четем Хаус») сохраняет свою позицию. Он-то и формирует основные кадры, хотя в эту Трехстороннюю комиссию уже включаются представители послевоенной Германии, Франции. Та намеченная инициатива Тихоокеанского региона воплощается уже однозначно в проамериканской (проНАТОвской), подчиненной, по сути, оккупированной американцами стратегически Японии.

Мы имеем дело с новым изданием геополитического районирования, где на глобальной карте мира можно выделить четыре зоны. Три из них интегрированы США и являются как бы переходными к мировому правительству, это:

1. Американская зона, которая находится более-менее под контролем Соединенных Штатов Америки, включая страны Центральной и Латинской Америки, поскольку влияние США в тот период (60—70-е годы) является доминирующим. Эти страны развивающиеся, слабые, зависимые. США здесь играет роль абсолютного лидера.

2. Европейское интегрированное пространство тоже под западной атлантистской эгидой.

3. И Тихоокеанские страны, которые идут западным курсом.

Три зоны, объединенные в структуру глобальной талассократии, — три талассократических пространства.

И четвертая зона, против которой направлена Трехсторонняя комиссия, — это страны социалистического лагеря: в первую очередь СССР, также коммунистический Китай.

Четырехуровневая (четыреполярная, квадриполярная) модель является базовой для этой Трехсторонней комиссии.

- При этом три пространства считаются талассократическими. Интегрируются под эгидой прообраза единого мирового правительства: западного, талассократического, капиталистического, американоцентристского.

- И одна зона из четырех — советская социалистическая — является исключенной.

Три включены, одна исключена. Три интегрированы, одна, наоборот, — подвергается окружению и давлению. Соответственно, это — стратегическая карта «Холодной войны». Где идет война: настоящая, полноценная, стратегическая война континентов. Великая война континентов между двумя типами цивилизаций: цивилизацией Карфагена и Рима, Спарты и Афин, капитализма и социализма уже в XX веке. Геополитика выражается (отливается) в эту идеологическую модель противостояния (идеологической борьбы) двух мировых систем.

ЭКОНОМИКА И РАСИЗМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Экономика представляет собой (что часто забывают) гуманитарную дисциплину, которая, как и другие гуманитарные дисциплины, является применением мыслей философов о структуре человеческого общества. Экономика получает самостоятельное направление в развитии лишь в Новое время, когда превращается в отдельную самостоятельную сферу социального интереса, потому что долгое время занятие хозяйством считалось подсобным, несамостоятельным предметом изучения.

Очень интересно само слово «экономика». Вводит его Аристотель и понимает дословно «домостроительство», «домострой». «Ойкос» — от слова «дом» и «номос» — это «закон».

Экономика — это способ ведения хозяйства, и представляет собой форму определенной организации человеком своего близлежащего бытия. Поэтому, поскольку древние считали, что космос — это большое государство (государство — это малый космос), то ведение хозяйства (домохозяйства) — это как бы государство в миниатюре, а государство есть космос в миниатюре. Поэтому отсюда вытекала упорядочивающая священная структура экономики: экономика как сакральное явление. Отсюда космическое измерение экономики. Это очень хорошо показывает Сергей Булгаков (русский философ) в «Философии хозяйства». Экономика — это, по сути дела, организация космоса.

Аристотель понимал термин «экономика» именно таким образом. И экономике он противопоставлял совершенно другое направление — оно называлось харизматика, то есть занятие материальной деятельностью во имя материальных целей. Вот эта харизматика считалась Аристотелем недостойным занятием, которое свойственно наиболее грязным отщепенцам человеческого рода.

То, что мы понимаем под «экономикой» (организация материального производства в целях извлечения материальной выгоды), — это харизматика (по Аристотелю), и это является вещью абсолютно недостойной. Точно так же, как, кстати, понятие «демократия». Аристотель считал демократию худшим из политических режимов. Занятие материальным производством во имя извлечения материальной выгоды и организация самоуправления без всяких духовных и сакральных целей — это является, по Аристотелю, наихудшим аспектом социальной практики.

Занятие материальной деятельностью ради извлечения материальной прибыли, с точки зрения аристократической греческой мысли, — занятие недостойное. Поэтому в отдельное направление эта область и не выносилась. Она стала выноситься в тот период, когда начались материалистические демократические тенденции, — в Эпоху модерна.

Второе. Основатель экономического учения Адам Смит был последователем философа Локка — индивидуалиста, теоретика как раз такой, мягкой версии образовательного общества, основанного на индивидуализме и либерализме. Для Адама Смита вся его теория о богатстве нации была не чем иным, как применением принципов индивидуализма Джона Локка к сфере организации хозяйственной деятельности. Это тоже имело прикладной характер. Но значение экономики постепенно, начиная с XVIII века, стало неуклонно расти и, поскольку само общество стано-

вилось все более и более материальным, все более и более заниженным, все более и более приземленным, то и росло параллельно с этим значение экономики.

И вот экономика как специфическое направление приобрела самостоятельное значение и стала объектом отдельной дисциплины. Поэтому эта наука, которая, по сути дела, занимается харизматикой (по Аристотелю), ставит перед собой задачу вычисления максимализации прибыли, материальной организации общества, и получает самостоятельность в Новое время.

Теперь помещаем эту экономику Нового времени в парадигмы международных отношений, которые мы разбирали. Что мы имеем в реализме?

Реалистская парадигма утверждает, что экономика является важнейшей формой организации материального обеспечения внутри государства. Эта теория получила название «меркантилизм», и речь в ней идет о том, что развитие свободного рынка ограничивается интересами национального государства, то есть рынок в рамках государства, а монополия на внешнюю торговлю является приоритетом исключительно государства.

- Внешней торговлей заведует государство.
- Внутренней — частный сектор.

Это получило название меркантилизма.

Таким образом, государство становится экономическим актором в двух смыслах.

- С одной стороны, по отношению к своему внутреннему рынку государство выступает регулятором, но не главным хозяйствующим субъектом.

- А по отношению к внешнему рынку — уже хозяйствующим субъектом, потому что выступает от имени всего совокупного экономического потенциала данного государства перед лицом другого.

В реализме международных отношений это является нормативом. Это означает, что торговля или экономика есть национальное явление. То есть, государство выступает актором в экономических отношениях с другими государствами, в то время как внутри государства преобладают (доминируют) частнособственнические отношения либо какие-то другие. Для нас это не принципиально, поскольку реализм может быть применен как к буржуазным государствам, где эта теория и возникла, поэтому нормативной считается капиталистическая экономика, так и к небуржуазным государствам, в том числе социалистическим, монархическим или теократическим. В любом случае, реализм рассматривает ситуацию таким образом, что нормативным актором международных отношений в сфере экономики является государство. Без этой инстанции никто не имеет выхода на внешний рынок. Это парадигма, называемая парадигмой меркантилизма в экономических учениях, точно соответствует реалистскому подходу к тому, как обстоит дело в экономике.

Если мы рассмотрим эту модель реализма применительно к экономике, то мы получим простую картину, как видит реалист в международных отношениях саму систему международных отношений в экономике. Там, где есть экономические интересы какого-то государства, это государство выступает актором.

- Не хватает для развития внутреннего рынка, например, ресурсов — значит, государство озабочено тем, чтобы эти ресурсы приобрести.

- Не хватает, например, каких-то трудовых ресурсов — тогда государство должно обеспечить аннексию, колонизацию других территорий и так далее для того, чтобы эти редкие или недостающие ресурсы объединить.

Иными словами, главным актором экономики во внешнем транснациональном контексте является государство.

Оно как раз, движимое национальными экономическими интересами, обеспечивает условия для обеспечения своих материальных потребностей. Отсюда большая роль в экономике сектора обороны, поскольку оборона является главной задачей реализма. Соответственно, экономика приобретает характер, связанный (сопряженный) с обеспечением национальной безопасности. Отсюда — госзаказ в военной сфере или, по крайней мере, патронирование со стороны государства тех отраслей, тех производственных областей, которые связаны с обеспечением безопасности: либо имеют государственный характер, либо ведут тесное сотрудничество с государственным сектором. Вот меркантилистская модель отношения к экономике.

При этом должна ли развиваться международная торговля с точки зрения реалистов? Да, должна. Но никогда не таким образом, чтобы развитие торговых отношений в международной сфере привело бы (приводило бы) к ослаблению национальных интересов государства. Это принцип реализма в экономике.

Переходим к либерализму. Либерализм в международных отношениях применительно к экономике исходит из радикально иной парадигмы, согласно которой открытое торговое общество (это главный принцип Адама Смита) приводит к более быстрому развитию, чем закрытое. По сути дела, сама идея о богатстве наций Адама Смита была направлена против меркантилистской парадигмы. Поэтому либералы в международных отношениях тесно связаны с либералами в экономике. Здесь доминирует такой принцип: развитие рынка не должно ограничиваться национальными интересами. Значит, акторами международной торговли в международной экономике может быть не только государство через государство, но и компания через компанию: отдельный экономический актер внутри

государства с другим экономическим актором в другом государстве.

С точки зрения принципа «Невидимой руки рынка», такое освобождение от национального контроля государств дает наибольший успех и наибольший эффект в развитии экономики. Адам Смит говорил, что государство в обоих своих смыслах является препятствием развитию рынка. С одной стороны, выступая как регулятор, оно имеет тенденцию самому становиться участником экономического процесса. А это делает процесс более громоздким в случае совмещения политических и экономических функций в лице одного и того же игрока — государства — создает неравные условия для развития экономического потенциала.

Соответственно, отсюда предложение государству максимальным образом отойти от экономической сферы — это догма либерализма.

И второе: государство должно отказаться от монополии на внешнюю торговлю и занятия экономикой во внешней международной среде и позволить внутригосударственным экономическим акторам: корпорациям, компаниям, трестам и фирмам — заниматься развитием торговых отношений с другими фирмами, корпорациями, трестами другого государства.

Это отношение к экономике как к открытому рынку, к расширению зоны рынка тесно связано с идеей либералов в международных отношениях, что демократии друг с другом не воюют, но торгуют. Вот это «Make trade, not war» («Занимайтесь торговлей, а не войной»), фритредерство (свободная торговля — синоним либерализма) — это принцип либералов в международных отношениях.

Если реалисты считают, что одним из наиболее вероятных способов выяснения проблем между государствами в сфере международных отношений являются воен-

ные столкновения, то либералы в международных отношениях говорят: «Торговля создает такое переплетение взаимных экономических интересов, которое минимализирует риск войны». «Конечно», — им отвечают реалисты. Тем не менее периодически торговые войны и торговые противоречия приводят к реальным войнам. Да, это так. Но либералы настаивают, что чем больше будет открытым рынок, чем меньше будет государство влиять на рынок внутри самого себя и в международных отношениях, тем быстрее будет распространяться всеобщий рост благосостояния и той страны, которая находится с одной стороны границы, и другой страны, которая находится с другой стороны границы.

Таким образом, глобализация международной торговли является путем к миру с точки зрения либералов международных отношений. Отсюда меняется отношение к экономике.

- Реалисты мыслят в категориях национальных экономик, и здесь внутренний валовой продукт (ВВП) приобретает принципиальное значение (скорость его роста).

- А либералы в международных отношениях говорят о макроэкономическом росте всех участников глобализирующегося открытого рынка, который, с их точки зрения, и приводит к оптимальному перераспределению ресурсов, и к оптимизации производства, и дает максимальный эффект.

Третья позитивистская парадигма — марксизм. Марксизм ставит экономику во главу угла, но рассматривает ее как антагонистическое поле противостояния буржуазного класса и пролетарского класса. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией является объяснением структуры международных отношений, она транснациональна по определению и фиксируется на том, что существует глобальный капитал и глобальный пролетариат, кото-

рые находятся между собой в глобальной борьбе как в национальном, так в интернациональном срезе.

Экономикой в классическом марксизме объясняется политика. Классический марксизм утверждает, что существует базис и надстройка. В базисе находится экономика, в надстройке находится политика, культура и все остальное. Поскольку экономика мыслится марксистами как классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазией, соответственно, эти противоречия, которые находятся внутри базиса, проецируются в политику и определяют политические процессы в международных отношениях точно так же, как и во внутренней политике. Здесь снова для марксистов не имеет значения, рассматриваем мы вопрос в национальном ключе (как реалисты) или в интернациональном (как либералы). Важно, что существуют глобальные антагонистические противоречия, и экономика является базовой формой борьбы.

Экономика стоит в центре внимания неомарксистов, поэтому как раз эта школа международных отношений дает наиболее последовательный, развернутый, доскональный, подчас детальный анализ экономических отношений с позиции выяснения классовых противоречий в национальном или интернациональном масштабе. Мы говорим об интернациональном масштабе, соответственно, в международных отношениях здесь анализ материально-экономической стороны дела (как организовано производство) стоит во главе угла неомарксистского и марксистского анализа международных отношений.

Вот три взгляда на экономику: меркантилистский, либеральный и марксистский.

Переходим к постпозитивистским парадигмам, для которых существует общая модель, состоящая в том, что экономики нет. Постпозитивисты считают, что экономика — это не что иное, как фигура речи, и сфера экономической